

Е. В. КУЗЬМИНА, Н. Г. КУЗНЕЦОВА (Томск)

ИЗМЕНЕНИЕ МОРФЕМНОЙ СТРУКТУРЫ СЕЛЬКУПСКОГО ГЛАГОЛЬНОГО СЛОВА

В селькупском языке прослеживаются изменения в морфемной структуре слова и его форм, изменение плана выражения и плана содержания отдельных морфем. Эти изменения подходят под определения процессов «опрощение» и «переразложение» (Богородицкий 1915; 1939). Под опрощением понимается лексико-морфологическое явление, состоящее в затемнении первоначальной семантической структуры слова вследствие стирания морфологических границ между его компонентами, например, превращения прежде членимой основы в нечленимый корень, а в широком смысле — сокращение количества морфем в слове (ЛЭС 349). Опрощение связано с фузионным соединением морфем и может сопровождаться предварительным переразложением. Оно характерно для флективных языков, но возможно и в языках иной структуры.

В структуре селькупского глагольного слова опрощение заключается, с одной стороны, в превращении членимой прежде основы в нечленимый корень, с другой, в стирании морфемных границ в деривационных аффиксальных комплексах. Превращение членимой прежде основы в нечленимый корень отмечается в отыменном образовании глаголов, когда производящая именная основа выходит из употребления. Так, не осознаются производными селькупские глагольные основы *sanžjir- ~ sažjir-* 'играть' (ср. нган. *sani* 'игрушка'), *tar-* 'обменять' (ср. нен. *таңэ* 'вместо, взамен, на смену'). Делать структуру глагольной основы непрозрачной могут также фонологические процессы на стыках морфем при малой употребительности деривационных аффиксов. В качестве примера можно привести тым., нар., об. *βat't'jgu*, *βačč'jgu*, *βačəgu*, таз. *βəčč'jko* и т.д. (< *βəšə- ('встать') + -tə- (переходности)) 'поднять'; тым., кет. *βarkugu* 'жить' (< *βari-* 'держать, содержать') + -ku- (переходности)) и т.п.

Стирание морфемных границ отмечается внутри некоторых селькупских деривационных аффиксов. Так, суффикс сев. -*mtj-* ~ южн. -*mčə-*, выступающий в деноминальной глагольной деривации преимущественно в значении 'сделать каким-либо', разложим на морфемы: -*mtj-* < -*m-* + -*tj-* (ОчСЯ I 342); соответственно -*mčə-* < -*m-* + -*čə-* (Кузнецова 1990 : 50—51), что подтверждается данными одного из южных диалек-

тов селькупского языка — кетского. В последнем при широком распространении суффикса *-čə-*, образующего переходные глаголы от непереходных основ с консонантным исходом, глаголам на *-mčə-* достаточно регулярно соответствуют транслативы на *-m-* (Кузнецова 1987 : 48). Однако суффикс *-mčə-*, сформировавшийся в результате морфемного переразложения, может выступать в качестве морфологически не членимого комплекса в заимствованиях из русского языка: *kotoβa-mču-ku* 'приготовить', *palaskaj-mču-ku* 'прополоскать' и т.п. (Кузнецова 1990 : 51).

Селькупский суффикс *-kjləm-/kuləm-* со значением 'лишиться чего-либо', присоединяющийся к первой основе существительного, также является сложным по происхождению. На первом этапе морфемного членения он может быть разложен на *-kjl(ə)-/kul(ə)-* + *-m-* (ср. таз. *-kyl-/-kylm-* < *-kyl-* + *-m-*; *-kylty-/kulty-* < *-kyl-/kul-* + *-ty-* (ОчСЯ 346)). При этом наблюдается сходство с нганасанским лишительным суффиксом *-гали-/гяли-* (*-кали-/кяли-*) + *-м-*, первый элемент которого указывает на отсутствие чего-либо или кого-либо, второй — на становление состояния (Терещенко 1979 : 258—259). Возможно и дальнейшее членение сельк. *-kjləm-/kuləm-* < *-kj-/ku-* + *-l(ə)-* + *-m-* (ср. Györke 1935 : 62). Правомерность такого членения подтверждается сопоставлением образования каритивных глаголов в селькупских диалектах с данными ненецкого языка, где широко представлены отыменные глаголы на *-сялмзь* со значением 'стать не имеющим чего-либо'. Они могут быть соотнесены с отыменными дериватами на *-сй-* (*сь*) — глаголами неопределенности: *намза-сй-* (*сь*) 'быть без мяса, быть тощим' — *намза-сялмзь* 'стать без мяса, стать тощим' (*намза* 'мясо'). Таким образом, *-сялмзь* представляет собой сочетание *-сй-* + *-лй-* + *-м'* + *сь*, где *-сй-* — суффикс (по Н. М. Терещенко, частица) с негативным значением, *-м'* — суффикс, указывающий на становление качества или состояния, *-сь* — показатель неопределенного деепричастия (см. Терещенко 1965 : 909). Сложны по происхождению, очевидно, и суффиксы *-гали-/гяли-* (*-кали-/кяли-*) (<*-ка-/кя-*, *-га-/гя-* + *-ли-*), образующие глаголы неопределенности в нганасанском языке (Терещенко 1979 : 258—259). Аналогично в глаголах со значением 'лишить кого-либо чего-либо' словообразовательные суффиксы таз., ен. *-kiltj-/kultj-*, тым., кет., об. *-kjləmčə-/kuləmčə-* (об. также *-kiltj-/kultj-*) могли быть некогда разложены на элементы: *-kj/ku-* + *-l-* + *-tj-* и *-kj/ku-* + *-lə-* + *-m-* + *-čə-* ~ *-kj/ku-* + *-lə-* + *-mčə-*. Примеры: таз., ен. *or-kj-l-tj-qo* 'лишить сил, сделать бессильным' (*or* 'сила'); кет., тым. *saj-gj-la-m-žu-gu* 'ослепить, сделать слепым' (*saj* 'глаз') (Кузнецова 1990 : 54; см. также ОчСЯ I 346).

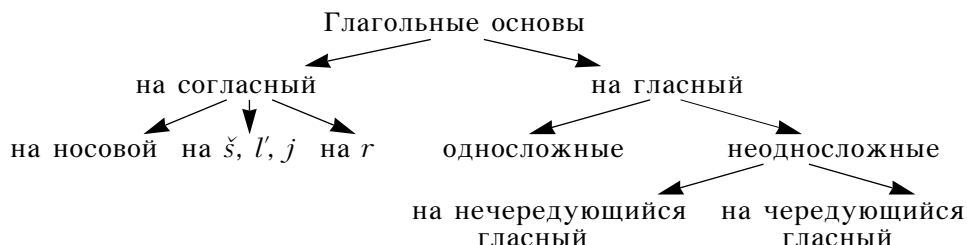
Под переразложением понимается смещение морфемных границ в слове, в результате чего возникают новые (вторичные) формо- и словообразовательные аффиксы и основы, которые могут утрачивать прямую морфолого-этимологическую связь с первичными формами (ЛЭС 370). Термин «переразложение» предложен В. А. Богородицким (1915). Морфемное переразложение считается типологически отмеченным явлением. Оно свойственно прежде всего флективным языкам, где обусловлено фузионным соединением морфем (Реформатский 1947 : 92). Селькупский относится к агглютинативным языкам (Терещенко 1966 : 367), т.е. основным способом образования форм слов в нем, как и в других самодийских, является агглютинация. Однако и здесь имеет место морфемное переразложение.

Во всех диалектах селькупского языка отмечается, во-первых, отход конечного гласного основы к личным окончаниям и формирование личных окончаний с вокалической инициалю и, во-вторых, формирование деривационных аффиксов, начинающихся с гласного.

Переход тематических гласных в глаголе к личным окончаниям является классическим примером процесса морфемного переразложения. Как и в других языках, в селькупском процесс сводится к тому, что конечный чередующийся гласный глагольной основы отходит к окончанию, первоначально начинавшемуся с согласного. Консонантное начало личных окончаний для всех самодийских языков выводится из общесамодийского состояния (Хелимский 1982 : 76—81). В результате происходит формирование показателей лица и числа с гласным элементом в качестве коаффикса. В схеме личных окончаний отмечаются следующие изменения (Кузнецова 1995 : 161—162):

субъектное спряжение					
	ед. ч.		дв. ч.		мн. ч.
1 л. - <i>k</i> (~- <i>η</i>)	→ - <i>a-k</i> (~ - <i>a-η</i>)			- <i>o</i>	- <i>o-t</i>
			- <i>i</i> →	- <i>a-i</i>	
2 л. - <i>nti</i>	→ - <i>a-nti</i> , - <i>a-ndi</i> , - <i>a-ddi</i>		- <i>li</i> →	- <i>a-l -i</i>	- <i>li-t</i> → - <i>a-li-t</i>
3 л. - <i>ø</i>	→ - <i>a</i> (> <i>i</i>)		- <i>ti</i> →	- <i>a-t -i</i>	- <i>t</i> → - <i>a-t</i>
- <i>η</i> , - <i>n</i>	→ - <i>a-n</i> , - <i>i-η</i>				
объектное спряжение					
	ед. ч.		дв. ч.		мн. ч.
1 л. - <i>m</i> (~ - <i>p</i>)	→ - <i>a-m</i> (~ - <i>a-p</i>)			- <i>o</i>	- <i>o-t</i>
			- <i>i</i> →	- <i>a-i</i>	
2 л. - <i>l</i>	→ - <i>a-l</i>		- <i>li</i> →	- <i>a-l -i</i>	- <i>li-t</i> → - <i>a-li-t</i>
3 л. - <i>t(V)</i>	→ - <i>i-t</i>		- <i>ti</i> →	- <i>a-t -i</i>	- <i>ti-t</i> → - <i>a-ti-t</i> - <i>t-ti</i> → - <i>a-t-ti</i>

Выявлению процесса морфемного переразложения способствует анализ образования парадигматических форм от глагольных основ разного структурного типа. Выделение различных структурных типов глагольных основ проводится во всех самодийских языках, поскольку ауслаут глагольной основы имеет решающее значение при выборе грамматических показателей. В селькупском языке наиболее существенны различия между основами на гласный и основами на согласный, но часто прибегают к более дробным градациям:

(Hajdú 1963 : 76; Collinder 1969 : 465; ОчСЯ I 209; Кузнецова 1987 : 16; 1995 : 170—171). Для выявления процесса морфемного переразложения особый интерес представляет анализ образования парадигматических форм от основ двух последних типов.

Группа основ на чередующийся (альтернирующий) гласный включает как непроезводные, так и произвольные, суффиксальные. К ним могут быть приравнены основы, присоединившие показатели времен, ауслатный гласный которых при образовании парадигматических форм ведет себя подобно конечному гласному основ соответствующего типа. При соединении личных окончаний у основ данного типа и у приравненных к ним конечный редуцированный гласный заменяется на гласный полной артикуляции. В южных диалектах последний часто несет ударение, особенно при отсутствии в основе долгого гласного, способного принимать ударение на себя. Примеры:

наст. вр. индикатива: нар. <i>čaade-gu</i> 'затопить'		пан-гу 'положить'	
ед. ч.	1. л.	<i>čaadá-p</i>	<i>pan-ná-p</i>
	2. л.	<i>čadá-l</i>	<i>pan-ná-l</i>
	3. л.	<i>čáde-d</i>	<i>pán-nê-d</i>
дв. ч.	1. л.	<i>čadá-i</i>	<i>pan-ná-î</i>
	2. л.	<i>čáde-li</i>	<i>pan-ná-lî</i>
	3. л.	<i>čáde-di</i>	<i>pan-ná-dî</i>
мн. ч.	1. л.	<i>čad-út</i> (? < *čade-βet)	<i>pan-n-út</i> (? < *pan-ná-βet)
	2. л.	<i>čade-let</i>	<i>pan-ná-lît</i>
	3. л.	<i>čadá-dat</i>	<i>pan-ná-dat</i>

(см. образцы парадигм: Castrén 1854; Castrén, Lehtisalo 1960; Дульзон 1969; Кузнецова 1987 : 212—228 1995 : 171—172; Гальцова 1993 : 143—150;).

Группа основ на нечередующийся гласный включает производные, образованные посредством суффиксов *-(k)ku-* узитативности, *-ê-* перфективности, *-ku-/ -kə-*, *-j-/ -u-* непереходности (возвратности, пассивности) и некоторых других. У основ этого типа и у приравненных к ним отмечаются три возможности образования лично-числовых форм, которые нередко объединяются в одной парадигме: 1) присоединение окончаний, начинающихся с согласного, к неизменной глагольной основе (в примерах помечены чертой); 2) присоединение к неизменной основе окончаний с вокалической инициальной, идентичной конечному чередующемуся гласному основ первого типа (на стыке морфем отмечается эпентеза, стяжение *kku* > *kβ*; о последнем иначе Морев 1975 : 126—134) (помечены двумя чертами); 3) присоединение окончаний с вокалической инициальной к усеченной производящей основе (помечены пунктиром):

нар. <i>čadaku-gu</i> 'топить'		наст. вр. индикатива кет. <i>tjaadêku-gu</i> 'топить'	
ед. ч.	1 л.	<u><i>čádaku-ap</i></u>	<u><i>tjaadêku-au</i></u>
	2 л.	<u><i>čádaku-al</i></u>	<u><i>tjaadêku-al</i></u>
	3 л.	<u><i>čádaku-d</i></u>	<u><i>tjaadêku-t</i></u>
дв. ч.	1 ч.	<u><i>čadaku-ai</i></u>	<u><i>tjaadêku-ai</i></u>
	2 л.	<u><i>čadakŭ-li</i></u>	<u><i>tjaadâku-âli</i></u> ~ <u><i>tjaadaku-li</i></u>
	3 л.	<u><i>čadaku-di</i></u>	<u><i>tjaadâku-adi</i></u> ~ <u><i>tjaadaku-di</i></u>
мн. ч.	1 л.	<u><i>čadak-ut</i></u> (? < *čadak(u)-βît)	<u><i>tjaadaku-ót</i></u> (? < *tjaadaku-aβît)
	2 л.	<u><i>čádaku-lt</i></u>	<u><i>tjaadaku-alt</i></u>
	3 л.	<u><i>čádaku-adat</i></u>	<u><i>tjaadaku-atta</i></u>

наст. вр. индикатива

кет. <i>čēkīrjkkū-gu</i> 'сунить'	<i>oralj-gu</i> 'быть пойманным; попасться'
ед. ч. 1 л. <i>čēkīrjkk-aβ</i> ~ <i>čēkīrjkkβ-aβ</i>	<i>ora-lj-aŋ</i>
2 л. <i>čēkīrjkk-al</i> ~ <i>čēkīrjkkβ-al</i>	<i>ora-lj-andi</i> , <i>ora-lj-addi</i>
3 л. <i>čēkīrjkkū-t</i>	<i>ora-lj-ŋ</i>
дв. ч. 1 л. <i>čēkīrjkk-o</i> (?< * <i>čēkīrjkk-aβi</i>)	<i>ora-lj-o</i>
2 л. <i>čēkīrjkk-alī</i> ~ <i>čēkīrjkkβ-alī</i>	<i>ora-lj-alī</i>
3 л. <i>čēkīrjkk-adi</i> ~ <i>čēkīrjkkβ-adi</i>	<i>ora-lj-atī</i> , <i>ora-lj-adi</i>
мн. ч. 1 л. <i>čēkīrjkk-ot</i> (?< * <i>čēkīrjkk-aβit</i>)	<i>ora-lj-ot</i>
2 л. <i>čēkīrjkk-alit</i>	<i>ora-lj-alit</i>
3 л. <i>čēkīrjkkū-attī</i> ~ <i>čēkīrjkkβ-attī</i>	<i>ora-lj-attī</i> , <i>ora-lj-at</i>
(Кузнецова 1995 : 172—173)	(Кузнецова 1987 : 213)

Возможность образования лично-числовых форм от неодносложных основ на нечередующийся гласный по типу 2, 3 указывает на процесс морфемного переразложения, а образование лично-числовых форм по типу 1 свидетельствует о его незавершенности (Кузнецова 1995 : 173).

Сравнение записей парадигм времен М. А. Кастрена с современными показывает, что число форм, в которых личные окончания без вокалического элемента присоединяются к основе на нечередующийся гласный, заметно сократилось. Лично-числовая парадигма начинает тяготеть к последовательному построению с помощью личных окончаний, имеющих вокалическую инициаль. Закрепление в парадигме личных окончаний с вокалической инициалью, в свою очередь, имеет следствием преобразование маркеров наклонений *(*)-lā-* → *-l-* опатива, *(*)-nā-* → *-n-* конъюнктива, *(*)-(m)mā-* → *-(m)m-* кондиционалиса. См. примеры на образование парадигматических форм:

опатив от *mē-gu* 'сделать'

ед. ч. 1 л. <i>mē-le-p(-s)</i>	→	<i>mē-l-ap(-s)</i>
2 л. <i>mē-le-l(-s)</i>	→	<i>mē-l-al(-s)</i>
3 л. <i>mē-le-t(-s)</i>	→	<i>mē-l-əl(-s)</i>
дв. ч. 1 л. <i>mē-le-j(-s)</i>	→	<i>mē-l-aj(-s)</i> , <i>mē-l-o(-si)</i>
2 л. <i>mē-le-li(-s)</i>	→	<i>mē-l-i-l(-s)</i> , <i>mē-l-l'i</i>
3 л. <i>mē-le-ti(-s)</i>	→	<i>mē-l-i-t(-s)</i> , <i>mē-l-t'i</i>
мн. ч. 1 л. <i>mē-le-ut(-s)</i>	→	<i>mē-l-ut(-s)</i> , <i>mē-l-u-s</i>
2 л. <i>mē-le-lt(-s)</i>	→	<i>mē-l-alt(-s)</i>
3 л. <i>mē-le-at(-s)</i>	→	<i>mē-l-at-s</i> (Кузнецова 1995 : 90—91)

конъюнктив от *tū-ku* 'прийти'

ед. ч. 1 л. <i>tū-nε-ŋ</i>	→	<i>tū-n-aŋ</i>
2 л. <i>tū-nε-ddī</i>	→	<i>tū-n-addī</i>
3 л. <i>tū-nε</i>	→	<i>tū-n-i</i>
дв. ч. 1 л. <i>tū-nε-o</i>	→	<i>tū-n-o</i>
2 л. <i>tū-nε-a-lī</i>	→	<i>tū-n-alī</i>
3 л. <i>tū-nε-a-dī</i>	→	<i>tū-n-adī</i>
мн. ч. 1 л. <i>tū-nε-o-t</i>	→	<i>tū-n-ot</i>
2 л. <i>tū-nε-a-līt</i>	→	<i>tū-n-alīt</i>
3 л. <i>tū-nε-a-ttī</i>	→	<i>tū-n-attī</i>

		кондиционалис <i>kβesi-ku</i> 'хотеть есть'	
ед.ч.	1 л.	<i>kβesi-(m)te-ŋ</i>	→ <i>kβesi-m-a-ŋ</i>
	2 л.	<i>kβesi-(m)te-ndi</i>	→ <i>kβesi-m-a-nde</i>
	3 л.	<i>kβesi-(m)te</i>	→ <i>kβesi-m-e, kβesi-m-a-n</i>
дв.ч.	1 л.	<i>kβesi-(m)te-o</i>	→ <i>kβesi-m-o</i>
	2 л.	<i>kβesi-(m)te-a-li</i>	→ <i>kβesi-m-a-li</i>
	3 л.	<i>kβesi-(m)te-a-ti</i>	→ <i>kβesi-m-a-ti</i>
мн.ч.	1 л.	<i>kβesi-(m)te-o-t</i>	→ <i>kβesi-m-o</i>
	2 л.	<i>kβesi-(m)te-a-lit</i>	→ <i>kβesi-m-a-lit</i>
	3 л.	<i>kβesi-(m)te-a-tti</i>	→ <i>kβesi-m-a-tti</i> (Кузнецова 1987 : 228)

Морфемное переразложение описанного типа изучалось в пермской группе уральских языков, в которых связывается с отпадением конечных гласных именных и глагольных основ. При этом либо предполагается обусловленность утраты финальных гласных процессом переразложения, либо, наоборот, переразложение объясняется отпадением гласных в конце слова (Лыткин 1970 : 263; Кельмаков 1990 : 111). Отпадение гласных на конце глагольных основ как завершающий этап процесса редукции отмечается и в селькупском языке, но не во всех диалектах (прежде всего нар., тым.), морфемное же переразложение описанного типа фиксируется во всех. Это дает основание полагать, что не падение редуцированных гласных вызвало перемещение морфемного шва. Редуцированный (безударный) гласный представляет ауслат основы в подавляющем большинстве глагольных словоформ. Лишь часть форм настоящего времени индикатива имеет в исходе основы гласный полной артикуляции. При таком соотношении в глагольной парадигме, когда словоформы с основами на редуцированный занимают большинство позиций, связь между двумя основами, на редуцированный и на нередуцированный, прерывается. В результате нередуцированный гласный воспринимается не как элемент основы, а как составная часть окончания (Кузнецова 1995 : 170—171).

Другим проявлением морфемного переразложения в селькупском языке является формирование деривационных аффиксов с вокалической инициалью: залоговых и акциональных. Сравнительный анализ данных по всем самодийским языкам позволяет определить, что в подавляющем большинстве гласные в начале селькупских суффиксов не были изначально суффиксальными элементами, а стали таковыми позже. Они представляют собой конечные гласные производящей основы, обобщившиеся в ходе исторического развития и вошедшие затем в состав суффикса. Приведем примеры суффиксов с вокалической инициалью.

1) Залоговые суффиксы:

а) суффикс переходности *-V-ptj-*, где *V* = *a*·, *o*·, *e*·, *e*·, присоединяемый к именным и глагольным основам: кет. *kond-e-ptj-ku*, *kodd-e-ptj-ku* 'усыпить' (*kondj-ku* 'спать') (Кузнецова 1987 : 50); кет. *sakk-o-ptu-ku* 'накапать' (*sakj-ku* 'течь, капать') (Кузнецова 1995 : 50—51); таз. *il-äpty-go* (ОчСЯ I 211), об. *ил-эбты-* // TS *il-äpty-* (Hel. 70), кет. *illä-ptj-gu* → *ill-ä-ptj-gu* 'оживить' (кет. *ilj-gu* 'жить', *ilj* 'жизнь'). В других языках самодийской группы ему соответствуют нен. *-бта-*, *-бте-* (*пулы-бта-(сь)* 'поставить на колени, встать на колени' (*пулы* 'колено'), *талеси-бте-(сь)* 'обвинить кого-либо в краже' (*талесэй* 'кража') (Терешенко 1965 : 488, 620)), ненЛ *-pta* (*ulu⁶pta* 'кормить грудью' (*ulu* 'сосок') (Вербов 1973 : 118));

нган. -нты- (бызы-нты-сы 'напоить водой' (бы"/бызэ- 'вода'), чай-нты-сы 'напоить чаем' (Терещенко 1979 : 250, 255, 254; Кузнецова 1990 : 52)); б) суффикс переходности -al-/ol-: байш. *omt-al-qo* (В 184), кет. *omd-a-l-gu, obd-a-l-gu* 'посадить' (байш. *omtъ-qo* (В 184), кет. *omdi-gu, obdi-gu* 'сесть'); кет. *njng-o-l-gu* 'поставить, замесить (тесто)' (*njngi-gu* 'стоять') (Кузнецова 1995 : 53—54); таз. *cel'c-al-qo* 'утоптать, стоптать' (ОчСЯ I 212) (*cel'cyt-qo* 'топтать что-либо'); *pac-al-qo* 'срубить, отрубить' (*pac-cyt-qo* 'рубить'). В других самодийских языках ему соответствуют: ненТ -lä-, -lē-, -l-, (V)l- (Lehtisalo 1936 : 164—165); -ле, -ла- (Перфильева 1973 : 194; Хелимский 1982 : 109; ЯН СССР III 390): *jesum-la-* 'воспламенить' (*jesumž* 'воспламениться') (Хелимский 1982 : 109); ненЛ -га- (< *-la-), *ǰǰl̄-*, *ǰǰé-* (< *-le-) (Lehtisalo 1936 : 164—165); кам. -l- (Joki 1944 : 179; Lehtisalo 1936 : 165); нган. -лу- в составе сложных каузативных суффиксов (Терещенко 1979 : 227—228) и, возможно, эн. -р-/-л- в транзитивизирующих -рта-/лта- (Сорокина 1976 : 176); в) суффикс переходности сев. -altj- ~ южн. -alčə- ~ -olčj-: кет. *kukk-o-l-žj-gu* 'баюкать' (*kukj-gu* 'качаться'); кет. *ḡass-a-lčū-ku, ḡass-a-lžj-gu* 'остудить' (*ḡašj-gu* 'остыть') (Кузнецова 1987 : 49); таз. *ac-alty-qo* 'зажечь' (ОчСЯ I 211) (*acy-qo* 'тлеть'). В других самодийских языках ему соответствуют эн. -рта-/лта-: *нодарт-а-сь* 'спросить, узнать' (*нода-сь* 'улыш-шась'); *пиш-лта-сь* 'смешить' (*пиш-дъ* 'смеяться') (Сорокина 1976 : 177); ненТ *мантра-лта-(сь)* 'покатить, скатиться' (*манра(сь)* 'катиться') (Терещенко 1965 : 230; Кузнецова 1995 : 55).

2) Акциональные суффиксы:

а) варианты суффикса мультиобъектной совершаемости (объектного дистрибутива) -el(ь)-, -eläll- (Прокофьев 1935 : 63); -äl-, -äläl- (ОчСЯ I 225); -š-l- (Кузнецова 1987 : 45); таз. *mat-el-nvt* 'он нарезал (много чего)' (Прокофьев 1935 : 63) (*matj-qo*, Ке.-Ту. *mažj-gu* 'резать' (Е 128)); *myl-äl-(äl)-qo* 'согнуть (во многих местах)' (ОчСЯ I 225) (*mijj-* 'согнуть' (Е 139)); *pol-eläl-læ* 'проглотив (много)' (Прокофьев 1935 : 63) (*polj-qo* 'глотать, проглотить' (Е 190)); кет. *mašš-e-l-gu* ~ *mašš-e-l-gu* 'нарезать' (*mašj-gu* 'отрезать') (Кузнецова 1987 : 45);

б) варианты суффикса мультисубъектной совершаемости (субъектного дистрибутива) -äly-, -älälly- (ОчСЯ I 226); -e-l(j)- ~ -e-l(j)- (Кузнецова 1987 : 45); кет. *ḡarg-e-l-gu* ~ *ḡarg-e-l-gu* 'жить (о многих людях)' (*ḡargj-gu* 'жить, поживать') (Кузнецова 1987 : 45); таз. *ipp-äly-mpy-qo* 'лежать (о многих субъектах)' (*ippu-qo* 'лежать') (ОчСЯ I 226); *omt-äläl-l̄-qo* 'поусаживаться' (*omty-qo* 'сесть');

в) вариант суффикса имперфективной совершаемости сев. -enty- ~ южн. -enčə-: таз. *qonn-enty-qo* 'уснуть' (*qonty-qo* 'спать') (ОчСЯ I 222), *myl-enty-qo* 'сгибать' (*myly-qo* 'согнуть'), *koḡalt-enty-qo* 'рассказывать' (*koḡalt-ty-qo* 'рассказать'); об. юд-энчи- 'пускать' (Hel. 222—223) (юды- 'пустить, послать'); нар. *čanž-enžə-gu* 'выходить' (*čanžə-gu* 'выйти');

г) вариант суффикса семейфактивной (однократной) совершаемости сев. -ätäl- (ОчСЯ I 228); -a-l-, -o-l- (Кузнецова 1987 : 47); таз. *tynt-ätäl-qo* 'выругаться' (*tynty-qo* 'ругаться') (ОчСЯ I 228); кет. *ḡess-a-l-gu* 'скатиться' (*ḡešj-gu* 'катиться'), *laḡḡ-o-l-gu* 'сдвинуться, тронуться' (*laḡj-gu* 'шевелиться') (Кузнецова 1987 : 47);

д) вариант суффикса ингрессивной (начинательной) совершаемости -elь- (Прокофьев 1935 : 62); -el- (Варковицкая 1947); -äly- (ОчСЯ I 227);

-елы-, -алы- (Helimski 1983 : 183—219); -el(j)-, -el(j)- (Купер, Пустай 1993 : 33); -e·l- ~ -e·l- (Кузнецова 1987 : 46): таз. *qūt-äly-qo* 'заболеть' (*qūt-y-qo* 'болеть') (ОчСЯ I 227); кет. *kütt-e·l-gu*, *kütt-e·l-gu* 'заболеть' (*küdj-gu* 'болеть'), *kačč-e·l-gu* ~ *kačč-e·l-gu* 'зачихать' (*kaččj-gu* 'чихать') (Кузнецова 1987 : 46). В других самодийских языках ему соответствуют нен. -л, -л': *иле-л-цъ* 'начать жить' (*иле-сь* 'жить') (ЯН СССР III 390); нган. -рə/-лə: *дёрə-лə-са* 'заплакать' (*дёрə-дэ* 'плакать'); *һаңкə-рə-са* 'закричать' (*һаңгутуса* 'кричать') (ЯН СССР III 432); эн. -ро (для глаголов I класса), -ло (для глаголов II класса): *дяз-ро-сь* 'пойти пешком' (*дязо-сь* 'идти пешком'); *дязу-ло-сь* 'начать ходить' (*дязу-дъ* 'ходить') (ЯН СССР III 453).

Несмотря на то что селькупский относится к агглютинативным языкам, где все строится по формуле: один аффикс — одно значение, одно значение — один аффикс (Аврорин 1963 : 212), эта формула нередко нарушается: одному аффиксу могут соответствовать несколько значений, а одно значение могут иметь несколько аффиксов, т.е. налицо случаи синонимии, омонимии и полисемии.

В селькупском языке распространена омонимия (омоморфемность, по В. В. Виноградову) среди суффиксов залоговой и акциональной семантики: сев. -tj- переходности (оформляющий односложные основы на гласный) материально идентичен одному из вариантов суффикса имперфективной совершаемости -tj- (тоже после односложных основ на гласный). Данное совпадение есть результат относительно недавнего развития (конец XIX в.) сев. -tj- < *-čə- в суффиксе акциональной семантики (см. ОчСЯ 222). Южн. -r(j)- переходности, присоединяемый к двусложным основам с вокалическим ауслаутом, становится материально идентичным суффиксу -r- с характеристическим значением, оформляющему тот же структурный тип основ. В основе данного совпадения также лежат фонетические изменения — полная редукция финального гласного глагольной основы, являющаяся живым процессом (Деннинг, Кузнецова 1995). Суффиксу залоговой семантики южн. -ku- непереходности становится материально идентичным суффикс узитативности -(k)ku-, распределение вариантов которого в зависимости от структурного типа основы еще недавно выглядело следующим образом: -(k)ku- для основ на гласный, -ku- для основ на согласный. В основе совпадения лежит упрощение консонантных сочетаний южн. -kku- > -ku- как следствие ослабления артикуляционной напряженности. Примеры:

1. Залоговая семантика: байш. *pu-tъ-qo*, тым., нар. *pū-du-gu*, *pū-də-gu*, кет. *pū-dj-gu* 'перевезти через реку' ~ акциональная семантика: *pat-tj-qo* 'залезать' (*pat-qo* 'зайти, залезть, попасть, погрузиться'); *ī-tj-qo* 'брат' (*ī-qo* 'взять'), *mē-tj-qo* 'делать' (*mē-qo* 'сделать').
2. Залоговая семантика: тым., нар. *kugj-r-gu*, кет. *kukj-rj-gu*, об. *kýgy-p-* (*kukər(ə)-*) 'качать' (Hel. 99), (кет. *kukj-gu* 'качать(ся)') ~ акциональная семантика: *šütj-r-qo* 'шить (вообще), заниматься шитьем' (*šüt-qo* 'сшить'); *amj-r-qo* 'кушать, питаться' (*am-qo* 'съесть').
3. Залоговая семантика: кет. *nū-gu-gu*, байш. *ny-kъ-ci-qo*, об. *ню-гу-чи*, об. *н'о:-го-д'егу* 'отвориться', *н'о:-го-д'а* '(она) отворилась' (*nū-* 'открыть') ~ акциональная семантика: *ē-kkj-qo* 'бывать' (*ē-qo* 'быть'); *sūrjš-kj-qo* '(регулярно) охотиться, иметь обыкновение охотиться' (*sūrjš-qo* 'охотиться'); нар. *кадэ-ку-гу* 'говорить' (*кадэ-гу* 'сказать') (Купер, Пустай 1993 : 27).

Омоморфемность аффиксов прослеживается в южных диалектах и в рамках собственно сферы акциональной деривации. Так, варианты показателей дистрибутивной множественности имеют омонимы (омоморфы) среди вариантов суффиксов ингрессивности (начинательности) и семельфактивности (однократности) (Болсуновская 1998б : 72, 73):

-k̥il-/k̥al- мультиобъектности, оформляющий односложные основы, омонимичен *-k̥il-/k̥al-* семельфактивности и *-k̥il(i)/-k̥al(i)-* мультисубъектности, также оформляющим односложные основы: кет. *pen-gil-gu* ~ *pen-g̃il-gu* 'сложить (о многих предметах)' (*pen-gu* ~ *pen-gu* 'положить'); кет. *k̥ot-k̥il-gu* 'кашлянуть' (*k̥ot-gu* 'кашлять'); кет. *k̥ū-γ̃il-gu* 'умереть (о многих людях)' (*k̥ū-gu* 'умереть') (Кузнецова 1987 : 45, 47; Болсуновская, Кузнецова 1997 : 208—209, 211);

-el-/el- мультиобъектности, оформляющий двусложные основы на редуцированный гласный, омонимичен *-el(i)/-el(i)-* мультиобъектности, оформляющему двусложные основы на редуцированный гласный и основы из трех и более слогов, и *-el(i)/-el(i)-* ингрессивности, оформляющему такие же типы основ: кет. *tačč-ε-l-gu* ~ *tačč-e-l-gu* 'нарезать' (*tačč-gu* 'отрезать'); кет. *βarg-ε-l-gu* ~ *βarg-e-l-gu* 'жить (о многих людях)' (*βarg-gu* 'жить, поживать'); кет. *k̥ütt-ε-l-gu* ~ *k̥ütt-e-l-gu* 'заболеть' (*k̥üdj-gu* 'болеть'), *k̥ačč-ε-l-gu* ~ *k̥ačč-e-l-gu* 'зачихать' (*k̥ačč-gu* 'чихать') (Кузнецова 1987 : 45, 46; Болсуновская, Кузнецова 1997 : 208—209, 212). Развитие омоморфемности среди селькупских деривационных суффиксов акциональной и залоговой семантики ведет к сокращению сферы употребления одного из двух материально идентичных вариантов, либо с залоговым, либо с акциональным значением.

Появление омонимичных (омоморфемных) аффиксов отмечается в южных диалектах селькупского языка и в сфере грамматических маркеров. В основе этого явления лежит процесс морфемного переразложения, итогом которого является формирование личных окончаний с вокалической инициалю. В случае присоединения личных окончаний с начальным гласным имеет место образование парадигматических форм с усечением основы за счет конечного гласного, которое, в свою очередь, способствует замене нечередующегося гласного основы (ее суффикса, грамматического показателя) на гласный, подчиняющийся общему правилу чередований, т.е. на редуцированный. Процесс имеет место в оптативе $(^{(*)})-l̄ä- \rightarrow -l(V)-$, конъюнктиве $(^{(*)})-n̄ä- \rightarrow -n(V)-$, кондиционалисе $(^{(*)})-(m)m̄ä- \rightarrow -(m)m(V)-$, где $V = a \sim j(\partial)$. При этом маркер конъюнктива становится материально идентичным показателю настоящего общего (презенс I) для консонантных основ, а показатель кондиционалиса — маркеру форм перфекта во 2 л. ед.ч. субъектного спряжения, что дает соответственно омонимию форм (омоформию): кет. *t̄ū-m̄mε-ndj* $\rightarrow$ *t̄ū-m̄ma-ndj* (кондиционалис $\rightarrow$ кондиционалис ~ перфект); кет. *am-nε-ndj* $\rightarrow$ *am-n-andj* (конъюнктив $\rightarrow$ конъюнктив ~ презенс I). Подобная омонимия (омоморфемность, омоформия), очевидно, способствует развитию аналитических форм конъюнктива (претерит ~ презенс I смыслового глагола + модальная частица *εnε* (форма конъюнктива от глагола бытия)) и кондиционалиса (презенс I смыслового глагола + модальная частица *ε̄mε* (форма кондиционалиса от глагола бытия)): кет. *t̄ūmm̄endj* ~ *t̄ūmm̄andj* $\rightarrow$ *t̄ündj* *ε̄mε*; кет. *am̄n̄endj* ~ *am̄n̄andj* $\rightarrow$ *aps̄andj* ~ *am̄n̄andj* *ε̄nε*.

Кроме того, в селькупском языке отмечается омонимия аффиксов финитных (ФФ) и инфинитных (ИФ) глагольных форм: $(*)-l\ddot{a}-$ опатива показателю $(*)-l\ddot{a}$ простого деепричастия, $(*)-j\ddot{a}(-)$ маркера 3 л. императива, способного сочетаться с показателями числа, показателю $(*)-j\ddot{a}$ исчезающего целевого деепричастия / супина. Оморфемность аффиксов дает в свою очередь омонимию форм 3 л. ед. ч. субъектного спряжения императива целевому деепричастию / супину, форм 3 л. ед. ч. субъектного спряжения опатива простому деепричастию. Характерно, что формы простого деепричастия и опатива связаны использованием в полипредикативных конструкциях временной соотнесенности ($/ >$ условия): нар. *tab t ö-l a kadelešpek* '(когда, если) он придет (опатив), скажи'; нар. *tabin k a d-l e tab kβedžida* '(если) ему р а с с к а з а т ь (букв. его (ген.) рассказав (простое деепричастие), он рассердится)'; а формы 3 л. императива и целевого деепричастия / супина объединяют занятость в целевых конструкциях: нар. *örčit kajñ ā k o š t i-j a* 'спрятал, ч т о б ы никто не нашел (букв. кто-что (ген.) + отрицательная частица *ā* 'не' + чтобы-найти (целевое деепричастие))'; кет. *moturnit k a l i-j e* 'попросил, ч т о б ы он о с т а л с я (букв. он-пусть-останется (императив))'.

Однако полипредикативные конструкции, где пересекаются сферы употребления ИФ и ФФ, содержащих одинаковые суффиксальные элементы, имеют известные особенности. Конструкции, зависимая часть которых строится на основе простого деепричастия, всегда монофинитны. Маркер инфинитной формы выступает в них средством обстоятельственной (временной) связи между главной и зависимой частями. Морфемное оформление ИФ идентично возможному оформлению существительного в соответствующей синтаксической позиции ($-ø$). Связь между субъектом и предикатом зависимой части может быть выражена показателем синтаксической связи двух существительных ($-n$ генитива), предикативная связь морфологического выражения не получает. Зависимая часть таких конструкций передает действие любого временного плана, который задается соответствующим планом конечного сказуемого.

В полипредикативных конструкциях временной соотнесенности ($/ >$ условия), зависимая часть которых строится на основе опатива, предикативная связь между субъектом и предикатом зависимой части получает морфологическое выражение. Конструкции с зависимой частью на основе опатива отличаются от аналогичных на основе простого деепричастия и более конкретное представление внеязыковых ситуаций. Показатель наклонения указывает прежде всего на ориентацию действия в будущее.

Разносубъектные полипредикативные конструкции с зависимой частью на основе целевого деепричастия / супина и на основе императива (3 л.) в семантическом плане полностью идентичны. Но если целевое деепричастие / супин в роли зависимого сказуемого не получает лично-числового оформления, то в императивных формах вычленяются личные окончания и (в определенных случаях) показатель объектности действия. Следовательно, омонимия финитных и инфинитных форм обычно снимается в структуре предложения, на уровне синтаксиса.

Если отношения между субъектом и предикатом зависимой части не получают морфологического выражения, то зависимое сказуемое

при субъекте — существительном или местоимении в форме номинатива ед.ч. за счет нулевого показателя обстоятельственной связи остается недифференцированным в плане категориальной отнесенности словоформы (оптатив / простое деепричастие): нар. *era* (*kup, tab*) *t ö-l e kadeleşpek* '(если) старик (человек, он) придет (оптатив), скажи' ~ 'старик (человек, он), придя (простое деепричастие), скажи'; (целевое деепричастие / императив): кет. *βes mēat* (*šop*) *terķi k a l e-j a* 'сделал все, (чтобы) они-двое остались' (букв. они-двое пусть останутся (императив))' ~ 'сделал все, (чтобы) они-двое — чтобы — остаться (целевое деепричастие / супин)' (Кузнецова 1996а; 1996б : 256—266). Подобные случаи функционирования финитных и инфинитных форм в селькупском указывают на прошлое состояние языка, характеризующееся недостаточным развитием словоизменной морфологии и используются для объяснения развития самодийских финитных и инфинитных форм на базе именных отглагольных образований (Кузнецова 1996а).

Практически для всех селькупских глагольных аффиксов характерна вариантность. Варианты морфемы отличают от морфем-синонимов. Для установления их необходимо соблюдение двух условий: 1) сходство словообразовательного значения отождествляемых единиц; 2) формальная близость последних, т.е. наличие у них основной формы (инварианта), повторяющейся в реализациях. Для установления же синонимии суффиксальных морфем достаточно лишь сходства основного словообразовательного значения (Тимофеев 1986 : 3—13; Овчинникова 1988 : 27—31).

Вариантность свойственна селькупским суффиксам акциональной семантики, которые реализуются по меньшей мере в двух вариантах, что отражает подразделение селькупских глагольных основ на основы с вокалическим и консонантным исходом. В двух вариантах реализуются, например, суффиксы *у з и т а т и в н о й с о в е р ш а е м о с т и* (*-kkj-* для основ на гласный, *-kj-* для основ на согласный: таз. *ē-kky-qo* 'бывать' (ОчСЯ I 219) (*ē-qo* 'быть'); об. *tāt-ky-gu* 'приносить' (*tāt-* 'принести, привезти') (Helinski 1983 : 186; Болсуновская, Кузнецова 1997 : 209)), *ф о р м а л ь н о г о р е з у л ь т а т и в а* (*-mpj-* для основ на гласный, *-pj-* для основ на согласный: кет. *tē-mbj-gu*, *tē-mbā-gu* 'быть сгнившим, гнилым' (*tē-gu*, *tē-gu* 'сгнить'); кет. *pen-bj-gu*, таз. *pin-py-qo* 'хранить' (кет. *pen-gu*, таз. *pin-qo* 'положить') (Болсуновская 1998а : 15)), *д в у х а к т н о - ф и н и т и в н о й с о в е р ш а е м о с т и* (*-ntj-* для основ на гласный, *-tj-* для основ на согласный (кроме *š*, *l*): таз. *nū-nty-qo* 'открыть на время, приоткрыть' (ОчСЯ I 229) (*nū-qo* 'открыть'); *nāqqal-tyr-qo* 'вздремнуть, подремать и проснуться' (*nāqqal-qo* 'дремать')), *и н т е н с и в н о й с о в е р ш а е м о с т и* (*-psj-* после гласного, *-sj-* после согласного: таз. *tū-psyny-qo* 'сильно, с напряжением грести' (ОчСЯ I 230) (*tū-qo* 'грести'); *mātyr-syny-qo* 'выпрашивать' (*mātyr-qo* 'просить'); ен. *čurj-psjnj-ko* 'горько оплакивать' (*čurā-ko* 'плакать'); об. *kβas-sunā-gu* 'сильно избить' (*kβat-ku* 'убить') (Болсуновская 1998а : 20)), *х а р а к т е р и з а ц и о н н о й с о в е р ш а е м о с т и* (*-j-* для основ на согласный, *-r-* для основ на гласный: таз. *ū-r-qo* 'плавать' (ОчСЯ II 192) (*ū-qo* 'плыть'); кет. *ū-r-gu* 'плавать' (*ū-gu* 'плыть'); таз. *šūt-yr-qo* 'шить (вообще), заниматься шитьем' (ОчСЯ I 233) (*šūt-qo* 'сшить'), кет. *sūd-jt-jj* 'она

занимается шитьем' (*süt-qa* 'сшить') (Болсуновская, Кузнецова 1997 : 210)).

Суффиксы ингрессивной (инхоативной), семельфактивной (однократной), имперфективной и двух дистрибутивных (субъектный дистрибутив, объектный дистрибутив) совершаемостей реализуются в северных диалектах в большем количестве вариантов, что обусловлено более дробной градацией структурных типов глагольных основ. Суффиксальные варианты распределяются в зависимости от структурного типа основы следующим образом.

1) Ингрессивная совершаемость:

а) *-lɛlʲ-* (Прокофьев 1935 : 62); *-lɛlʲ-*, *-lläly-* (ОчСЯ I 227); *-лле-* (Helimski 1983 : 184—219) присоединяются к односложным основам на гласный: таз. *pū-lläly-qa* (ОчСЯ I 227) 'начать дуть, задуть' (*pū-qa* 'дуть'); об. *tá-лле-* (< *тат-ле-*) 'начинает идти' (*тат-ку* 'нести, идти' (Helimski 1983 : 219));

б) *-ɛlʲ-* (Прокофьев 1935 : 62); *-ɛl-* (Варковицкая 1947); *-äly-* (ОчСЯ I 227); *-ely-*, *-aly-* (Helimski 1983 : 184—219); *-el(j)-*, *-el(j)-* (Купер, Пустай 1993 : 33); *-ɛ-l-* ~ *-e-l-* (Кузнецова 1987 : 46) присоединяются к двусложным основам на *j*, который при этом выпадает, или к основам на согласный: таз. *kʲkʲ-ɛlʲ-* 'захотеть, полюбить' (*kʲkʲ-qa* 'хотеть, любить' (Прокофьев 1935 : 61)); кет. *kütt-ɛ-l-gu*, *kütt-ɛ-l-gu* 'заболеть' (*küdj-gu* 'болеть' (Кузнецова 1987 : 46)); об. *tál-ле-* (<**тат-ле*) (Hel. 184) 'начать идти' (*тат-* 'нести, идти');

в) *-ly-* (ОчСЯ I 227) присоединяется к двусложным основам на отличный от *j* гласный: таз. *ńorqa-ly-qa*, *mõsa-ly-qa* 'захромать' (ОчСЯ I 227) (*ńorqa-qa*, *mõsa-qa* 'хромать');

г) *-lɛläly-* (ОчСЯ I 227) присоединяется к двусложным основам на согласный: таз. *s̄ntyɾ-lɛläly-qa* 'начать играть' (ОчСЯ I 227) (*s̄ntyɾ-qa* 'играть');

д) *-ɛläly-* (ОчСЯ I 227) присоединяется к основам из трех и более слогов: таз. *antytt-ɛläly-qa* 'заспорить' (ОчСЯ I 227) (*antytt-qa* 'спорить').

2) Семельфактивная совершаемость:

а) *-qyl-* (ОчСЯ I 228); *-k̄jɪl-* (Кузнецова 1987 : 47) присоединяются к односложным основам: таз. *tū-qyl̄-qa* 'гребнуть один раз' (ОчСЯ I 228) (*tū-qa* 'грести'); кет. *kot-k̄jɪl-gu* 'кашлять' (Кузнецова 1987 : 47; Болсуновская, Кузнецова 1997 : 211));

б) *-ät̄l-* (ОчСЯ I 228); *-a-l-*, *-o-l-* (Кузнецова 1987 : 47) присоединяются к двусложным основам на *j*, который при этом выпадает (некоторые из основ являются связанными): таз. *tynt-ät̄l-qa* 'матюгнуться' (ОчСЯ I 228) (*tynty-qa* 'материться'); кет. *ńess-a-l-gu* 'скатиться' (*ńessj-gu* 'катиться' (Кузнецова 1987 : 47));

в) *-t̄l-* (ОчСЯ I 228) присоединяется к двусложным основам на согласный или отличный от *j* гласный: таз. *sala-t̄l-qa* 'заглянуть один раз' (ОчСЯ I 228) (*sala-qa* 'заглядывать'); *kupacc-t̄l-qa* (< *kupaš-t̄l-qa*) 'ударить кулаком' (*kupaš-qa* 'бить кулаками').

3) Имперфективная совершаемость:

а) *-ty-* (ОчСЯ I 222); *-čə-* (Helimski 1983 : 81—82; Болсуновская 19986 : 44, 48) — после односложных основ на согласный и некоторых односложных основ на долгий гласный: таз. *pat-ty-qa* 'заходить, залезать, попадать, погружаться' (ОчСЯ I 222) (*pat-qa* 'зайти, залезть, попасть, погрузиться'); *i-ty-qa* 'брать' (*i-qa* 'взять'); кет. *am-čə-gu* 'есть' (*am-gu*

'съесть' (Болсуновская 1998б : 44, 48)); кет. *kβan-čə-gu*, об. *kwán-чи* (*qwan-čə*) 'ходить, уходить' (Hel. 81—82) (*kβan-gu* 'уйти, уехать');

б) *-nty-* (ОчСЯ I 222); *-nčə-* (Helimski 1983 : 71; Болсуновская 1998б : 44, 48) — после большинства односложных основ на гласный и неодносложных основ на гласный, отличный от *j*: таз. *qu-nty-qo* 'умирать' (ОчСЯ I 222) (*qu-qo* 'умереть'); *nü-nty-qo* 'открывать' (*nü-qo* 'открыть'); кет., тым., вас. *ī-nčə-gu* (Болсуновская 1998б : 44, 48), об. *ū-нчи-* (*ī-nčə*) (Hel. 71) 'брать' (*ī-gu* 'взять');

в) *-enty-* (ОчСЯ I 222) — после неодносложных основ на *j*, который при этом выпадает: таз. *qonn-enty-qo* 'уснуть' (ОчСЯ I 222) (*qonty-qo* 'спать');

г) *-nenty-* (ОчСЯ I 222) — после неодносложных основ на носовой согласный: таз. *orym-nenty-qo* 'расти' (ОчСЯ I 222) (*orym-qo* 'вырасти');

д) *-centy-* (ОчСЯ I 222) — после неодносложных основ на *l', š*: таз. *rapus-centy-qo* 'спускаться' (ОчСЯ I 222) (*rapuš-qo* 'спуститься');

е) *-tenty-* (ОчСЯ I 222); *-čenčə-* (Болсуновская 1998б : 44, 48) — после неодносложных основ на остальные согласные: таз. *taqqyl-tenty-qo* 'собирать' (ОчСЯ I 222) (*taqqyl-qo* 'собрать' (Болсуновская, Кузнецова 1997 : 210)); кет. *kəntol-čenčə-gu* 'засыпать' (*kəntol-gu* 'заснуть' (Болсуновская 1998б : 44, 48)).

4) Объектный дистрибутив:

а) *-qyl-, qylāl-* (Прокофьев 1935 : 62—63); *-qyl-, qel-* (Варковицкая 1947); *-qyl-, -qäl-, -qylāl-* (ОчСЯ I 225); *-kil-* (Кузнецова 1987 : 45) присоединяются к односложным основам: таз. *ī-qyl-nyt* 'он взял (много чего)' (*ī-qo* 'взять' (Прокофьев 1935 : 63)); кет. *pen-gil-gu* ~ *pen-gil-gu* 'сложить (о многих предметах)' (*pen-gu* ~ *pengu* 'положить' (Кузнецова 1987 : 45));

б) *-el(ь)-, -elāl-* (Прокофьев 1935 : 63); *-äl-, -älāl-* (ОчСЯ I 225); *-š-l-* (Кузнецова 1987 : 45) присоединяются к двусложным основам на *j*, который при этом выпадает: таз. *mat-el-nyt* 'он нарезал (много чего)' (Прокофьев 1935 : 63); кет. *mačč-e-l-gu* ~ *mačč-e-l-gu* 'нарезать' (*maččj-gu* 'отрезать' (Кузнецова 1987 : 45));

в) *-l-, -lāl-* (ОчСЯ I 225) присоединяются к двусложным основам на отличный от *j* гласный: таз. *nyta-l(āl)-qo* 'изорвать в клочья' (ОчСЯ I 225) (*nyta-qo* 'рвать');

г) *-āl-* (Прокофьев 1935 : 63); *-āl-* (ОчСЯ I 225) присоединяются к двусложным основам на согласный и основам из трех и более слогов: таз. *muṇkyt-āl-qo* 'поналожить за пазуху' (ОчСЯ I 225) (*muṇkyt-qo* 'накладывать за пазуху').

5) Субъектный дистрибутив:

а) *-qyly-, -qäly-, -qyläly-, -qaläly-* (ОчСЯ I 226); *-kil-* (Кузнецова 1987 : 45) присоединяются к односложным основам: таз. *qən-qyly-mṛy-qo*, *qən-qäly-mṛy-qo* 'уходить (о многих субъектах)' (ОчСЯ I 226) (*qən-qo* 'уйти'); кет. *kū-yl-gu* 'умереть (о многих людях)' (*kū-gu* 'умереть' (Кузнецова 1987 : 45));

б) *-äly-, -äläly-* (ОчСЯ I 226); *-e-l- ~ -e-l-* (Кузнецова 1987 : 45) присоединяются к двусложным основам на *j*, который при этом выпадает: таз. *omt-äläl-ī-qo* 'поусаживаться' (ОчСЯ I 226) (*omty-qo* 'сесть'); кет. *βarg-e-l-gu* ~ *βarg-e-l-gu* 'жить (о многих людях)' (*βargj-gu* 'жить, поживать' (Кузнецова 1987 : 45));

в) *-äly-* (ОчСЯ I 226) присоединяется к основам из трех и более слогов: таз. *qatyt-äly-mṛy-qo* 'карабкаться (о многих субъектах)' (ОчСЯ I 226) (*qatyty-qo* 'карабкаться').

Остальные совершенности селькупского глагола характеризуются показателями, которые находятся в синонимических отношениях друг к другу. При этом между синонимическими аффиксами совершенностей могут существовать отношения дополнительной дистрибуции (варианты привязаны к определенному типу основы) и свободного варьирования (варианты аффиксов оформляют основы одного структурного типа). Среди них аффиксы *интенсивно-перфективной* совершенности (*-l'ci-* для односложных основ на гласный, *-ē-* для односложных основ на согласный и неодносложных основ: таз. *me-l'cy-qa* '(уже) сделать' (ОчСЯ I 223) (*mē-qa* 'сделать'); кет. *t'ū-l'dj-gu* 'растаять мгновенно' (*t'ū-gu* 'растаять' (Кузнецова 1987 : 40—41)); таз. *qōññ-ē-qa* '(уже) прикрыть' (ОчСЯ I 224) (*qōññ-qa* 'прикрыть')), а также *аттенуативной* совершенности (*-ečj-*, образующий аттенуативные глаголы совершенного вида от основ переходных глаголов; *-ūkj-* + *-mpj-*, образующий аттенуативные глаголы от глаголов со значением запаха и вкуса; *-äptj-*, образующий переходные аттенуативные глаголы совершенного вида от основ как переходных, так и переходных глаголов: таз. *mant-ecy-qa* 'подсмотреть' (ОчСЯ I 230) (*manty-qa* 'посмотреть, глянуть'); таз. *paryñ-uqu-mpy-qa* 'попахивать пригорелым' (ОчСЯ I 231) (*paryñy-qa* 'пахнуть горелым'); *qant-äpty-qa* 'подморозить' (*qanty-qa* 'замерзнуть'); кет. *kuk-eptj-(ku)gu* 'кивать (слегка)' *kukj-gu* 'качать (головой)' (Болсуновская 1998а : 20)), *фреквентативной* совершенности (*-ōkj-* + *-mpj-*, указывающий на действие, повторяющееся через длительные интервалы времени, значительно большие, чем сама повторяемость действия; *-l'čj-*, указывающий на однократные краткие повторяющиеся действия, объединяющиеся в единый процесс; *-ol'-* (*-al'-* ~ *-äl'-*) + *-pj-* (*-čj-r-*), образующий глаголы, совмещающие фреквентативное значение нерегулярной расчлененности действия с аттенуативным значением: таз. *kynt-ōqu-mpy-qa* 'периодически ставить сети' (ОчСЯ I 231) (*kynty-qa* 'поставить сети'); об. *koralž-oju-mbj-gu* 'разрешать часто' (*koralžj-gu* 'разрешить') (Болсуновская 1998а : 19); таз. *qōty-l'cy-qa* 'сверкать' (ОчСЯ I 232) (*qōtympy-qa* 'светить'); *mant-al-py-qa* 'посматривать по сторонам' (*manty-qa* 'посмотреть, взглянуть')).

В двух вариантах, наличие которых обусловлено подразделением селькупских глагольных основ на консонантные и вокалические, реализуются и некоторые грамматические показатели, в частности, *перфекта* (*-mpV-* для основ на гласный, *-pV-* (*V = a ~ ə, j*) для основ на согласный: таз. *tē-mpa* 'сгнил' (ОчСЯ I 238) (*tē-qa* 'сгнить' (ОчСЯ I 181)); кет. *t'ū-mba* '(снег) растаял' (Кузнецова 1995 : 136) (*t'ū-ku, t'ū-gu* 'растаять'); таз. *šēr-pa* '(он) вошел' (ОчСЯ I 238) (*šēr-qa* 'войти внутрь' (ОчСЯ II 174)); об. *kβan-ba* '(он) уехал' (*kβan-gu* 'уйти, уехать' (Болсуновская 1998б : 154)); *презенса II* (*-V-* для основ на *r*, *-tV-* для основ на согласный, *-ntV-* для основ на гласный (*V = a ~ ə, j*): нар. *šēr-a* '(он) вошел' (*šēr-gu* 'войти'); кет. *kβen-dē* '(она) пошла' (*kβen-gu* 'пойти, уйти' (Кузнецова 1987 : 209)); кет. *čāča-ndā* '(он) идет' (Кузнецова 1995 : 146) (*čāčj-ku, čāčj-gu* 'идти' (Кузнецова 1987 : 208)).

В тазовском диалекте грамматические показатели, например *претерита*, *оптатива*, *конъюнктива*, не имеют вариантов (ОчСЯ I 237, 244, 245—246). В южном диалектном ареале складывается несколько иная

картина. Так, в диалектах и говорах с $*s > h$ (нар., отчасти тым.) показатель претерита реализуется в двух вариантах: $-s(V)-$ для основ на согласный и $-h(V)-$ ($-h(V)-$ / $-s(V)-$) ($V = a \sim j$ (∂)) для основ на гласный и r (иногда также l); ср. нар. *mikənut koč kət ejadət k β e s - s - ā d ə t* ($< *kβen-s-ādət$) 'у нас людей много раньше было, (но) ушли'. Высказывается предположение, что в 3 л. ед. ч. субъектного спряжения при отпадении окончания ($a \sim \partial$) могла встречаться и элизия $*s > h > \emptyset$ показателя времени. Тем самым создавалась оппозиция типа *illa* 'живет' : *illə* 'жил' ($< *illəh < *illəs < *illəsa \sim illəsə$), в которой роль грамматического маркера прошедшего времени (претерита) брал на себя нечередующийся финальный гласный основы, противопоставляемый чередующемуся гласному в презенсе I (Кузнецова 1996б : 210—211). Подобные процессы, очевидно, привели к формированию в нарымском диалекте селькупского языка (часть идиолектов) маркера прошедшего времени на гласный, синонимичного s -овому показателю претерита. Сферой употребления вокалического маркера являются образования от односложных основ на гласный (нар. *paka a d - j nılžij to makjžadət taper ja a d - a* 'пока видно было. Так туда скрылись. Теперь не видно'). Сферой употребления показателя $-s-$ являются в данном диалектном ареале консонантные основы.

Синонимия маркеров характерна и для настоящего общего (презенса I), где для основ на согласный используется $-n(V)-$ ($V = a \sim j$ (∂)): кет. *sanžer-na* '(он) играет'; для (односложных) основ на гласный $(*)-\eta(V)- > -V-$ ($V = a \sim j$ (∂)) (собственно $(*)-\eta(V)-$ в виде $-\eta$ ($\sim -k$) сохраняется в южных диалектах прежде всего в 3 л. ед. ч. глагола бытия: *ēη* (*ēη*) $\sim \bar{e}k$ (*ēk*), ср. таз. *ēηa* 'он есть'; появляющиеся на стыке морфем (односложная вокалическая основа + $-V-$ маркера времени) j или β , выбор которых обусловлен качеством гласного основы (нар. *i-j-ap* '(он) взял'; *tō-β-an* '(он) пришел'), вторичны (Гальцова 1993 : 26—27); для односложных вокалических основ используется $-\emptyset$: *manžimba-η* 'смотрю' (Кузнецова 1995 : 120).

В результате морфемного переразложения у маркеров $(*)-lā-$ оптатива ($>$ адхортатива), $(*)-nā-$ конъюнктива, $(*)-(m)mā-$ кондиционалиса в южном диалектном ареале появляются варианты из одного согласного: $(*)-lā-$ $\sim -l-$, $(*)-nā-$ $\sim -n-$, $(*)-(m)mā-$ $\sim -m-$.

Маркер будущего времени $\sim$ дезидератива сев. $-T[(\epsilon)n]tj \sim$ южн. $-T[(\epsilon)n]čj-$, где $T = \emptyset, t, n, č$, сформировавшийся на основе суффикса имперфективной совершаемости, реализуется практически в тех же вариантах, что и связанный с ним в генезисе акциональный аффикс (типы вариантов см. в описании имперфективной совершаемости).

Из аффиксов инфинитных форм в одном варианте, причем по всем диалектам, реализуются показатель простого деепричастия $(*)-lā-$ (таз. *sūryl'-lā* 'охотясь', *̄ntalpy-lā* 'радуясь' (ОчСЯ I 256—257); кет. *pē-l'e* 'разыскивая', *laččj-l'e* 'сломав' (Кузнецова 1987 : 163)) и инфинитива (сев. $-qo$: *mē-qo* 'делать', *ōmtj-qo* 'сидеть' (ОчСЯ I 249—250); южн. $-ku$: *tolguj-gu* 'узнать', *pal'-d'u-ku* 'ходить, гулять' (Кузнецова 1987 : 170)). Суффиксы причастий многовариантны, причем вариантность не всегда прямо зависит от подразделения глагольных основ на вокалические и консонантные. Распределение вариантов суффикса причастия I $(*)-[(n)t]aj$ сводится к следующему. В тазовском диалекте фор-

мант присоединяется в виде *-tjil'* к основам на согласный и некоторым односложным основам на долгий гласный. Остальные односложные вокалические основы оформляет *-ntjil'*. Неодносложные основы на гласный используют *-tjil'* и *-ntjil'* параллельно (аналогично об.: Helinski 1983 : 45). Основы на *š* и *l* присоединяют *-čjil'*, основы на *r* — *-jil'* (ОчСЯ I 254); также *-tjil'* (Erdély 1969 : 285). В кетском *(*)-ntaj* сочетается прежде всего с двусложными основами на гласный. К многосложным и односложным вокалическим основам присоединяются как *(*)-ntaj*, так и *(*)-taj*, к консонантным — *(*)-taj*. С основами на *r* используются *(*)-taj*, *(*)-aj*, *(*)-əntaj* (Кузнецова 1987 : 145—146). Нар. и тым. *-tjil/-dijl* (?< **-tjil'/-dijl'* < **(n)taj*), *-ti/-di* присоединяются практически к любой имперфектной основе. У неодносложных вокалических основ при этом отмечается элизия конечного гласного: тым., нар. *edal*, кет. *ēdī, ēdī, endī*, об. *edū* // TS *ētyl'* (Hel. 67), ен. *ettel'* 'существующий' (сев. *ēqo*, южн. *ēgu, ēgu* 'быть'); тым., нар. *eldal*, кет. *ilandī, iliddī*, об. *элыди, элынди* (Hel. 45), таз. *ilintjil'* 'живущий' (E 45) (сев. *ilīqo*, южн. *ilīgu, elāgu* 'жить'); тым., нар. *urəl, urəl*, кет. *uri, urtī, urjndī, urjddī*, об. *uri, urti*, таз. *urtjil'* 'плавающий, купающийся' (E 285) (сев. *ūrqo*, южн. *urgu* 'купаться, плавать').

Распределение вариантов суффикса причастия II на *(*)-(m)pə(n)taj* сводится к следующему. В тазовском диалекте к основам на согласный присоединяется *-pjl'*, на гласный — *-mpjl'* и *-pjl'* параллельно (ОчСЯ I 255). В южных (кет., об.) причастие прошедшего времени регулярно образуется при помощи *(*)-(m)pə(n)taj* от основ на гласный, *(*)-pə(n)taj* от основ на согласный, *(*)-(n)taj* и *(*)-j* — от результативных глаголов. Кет. *-mpj* и *-pj* (для основ на гласный и для основ на согласный и гласный соответственно) используются редко (Кузнецова 1987 : 148—149). Нар. и тым. *-pjl/-bjl* (?< **-pjl'/-bjl'* < *(*)-(m)pəj*) присоединяется ко всем структурным типам основ, кроме результативных, при этом в неодносложных вокалических основах наблюдается элизия ауслаута: тым., нар. *mjnbil*, кет. *mjñmbjndī, mjñbbjddī*, об. *mjñmbadi* 'согнувшийся' (кет. *mjñjgu*, тым., нар. *mjñ(j)gu* 'согнуть'); тым., нар. *čaybjl, čagbjl*, кет. *čekjibi*, об. *čagombi, чагымбыди* (Hel. 204), таз. *tekkipjl, tekipjl* 'сухой, высушенный' (E 262) (таз. *tekkjīqo* 'сохнуть' (E 261), кет. *čekjigu*, тым., нар., об. *čagjigu* 'высохнуть'); тым., нар. *pūyilbjl*, кет. *pūyilbjndī*, об. *pūyolbjndī* 'надутый, (дувший)' (южн. *pūyəlgu* 'дуть') (Кузнецова 1996б : 107—108).

Реализация причастного показателя в ряде вариантов может указывать на два процесса, действие которых, по-видимому, относится к разным временным срезам:

блуждающая назализация на границе первого и второго слогов — явление диссимилятивного характера, которому, очевидно, предшествовала геминация на базе сильной артикуляции спيرانта *nt* < *tt* < *t*; *mp* < *pp* < *p* (ср. Юшманов 1989 : 76);

деназализация (упрощение) консонантного сочетания (? геминаты) в многосложных основах, вызванная тенденцией к разрушению конца слова (*tt* ~) *nt* > *t*; (*pp* ~) *mp* > *p* (Künnap 1978 : 178; Серебренников 1988 : 127; Кузнецова 1996б : 106—107).

Разграничение синонимов и вариантов суффиксов в селькупском языке актуально для сферы залоговой деривации. Так, в диалектах языка для образования возвратных глаголов используется несколько суффиксов, в том числе *-ku-* и *(*)-t'j-*, сферы употребления которых,

исходя из материалов М. Кастрена, первоначально совпадали: они могли присоединяться к вокалическим (одно- и неодносложным) основам, причем результатом были соответственно синонимичные возвратные глаголы: таз. *ür-ku-qo* (ОчСЯ I 220), об. *ör-gu-gu* (Кузьмина 1974 : 212), нар. *ür-gu-gu* 'заблудиться, потеряться' (кет. *ürri-qu* 'потерять(ся)'); об. *ër-chi-(ür(ə)tə-)* // TS *ür-y-cy-* (Hel. 75) 'потеряться' (кет. *ürri-gu* 'потерять(ся)'). Постепенно между суффиксами *-ku-* и *(*)-tj-* произошло разделение сфер функционирования. Использование первого ограничилось сочетанием с односложными вокалическими основами, второго — сочетанием с неодносложными основами на гласный. Такое состояние наблюдается в современном кетском диалекте селькупского языка: *čínimča-č(i)-ku* 'сближаться' (*čínimči-ku* 'сближать'); В, С *nĩtkilĩ-č(i)-ku* 'разорваться' (*nĩtkil-gu* 'разорвать', *nĩtkilĩ-gu* 'разорваться'); *nĩ-gu-gu* 'отвориться' (*nĩ-gu* 'открыть'), *mē-gu-gu* 'сделаться' (южн. *mē-gu* 'сделать').

В тымско-нарымско-обском диалектном ареале и в тазовском диалекте суффиксы *-ku-* и *(*)-tj-* обычно объединяются в односложных вокалических основах в неодноморфемный показатель возвратности *-ku-* + *(*)-tj-* → *-kutj-* (*-gudj-*; *-gažē-*; *-gaže-*): об. *mē-gudj-gu*, тым., нар. *mē-gažē-gu* 'сделаться', нар. *mē-gažē-gu* 'сделаться' (южн. *mē-gu* 'сделать'). Тем самым *(*)-tj-* и *(*)-kutj-* (*-gudj-*; *-gažē-*; *-gaže-*) можно рассматривать в качестве вариантов показателя возвратности *-kutj-* (*-gudj-*; *-gažē-*; *-gaže-*), т.е. свести их к общей форме. Распределение вариантов данного показателя возвратности в зависимости от структурного типа производящей основы выглядит следующим образом: *-kutj-* (*-gudj-*; *-gažē-*; *-gaže-*) для односложных вокалических основ; *(*)-tj-* (*-čj-*; *-žj-*; *-žē-*) для неодносложных основ на гласный: об. *ko-gochi-(tə-)* 'встретиться, найтись' (Hel. 90), об. *ko-* *kyd'e-gu* 'повидаться' (Кузьмина 1974 : 227), об. *ko-vožē-gu* 'обнаружиться' (южн. *ko-gu* 'увидеть, найти, обнаружить'); таз. *šitty-cy-qo* (ОчСЯ I 215), байш. *šittv-ci-qo* 'проснуться' (В 197) (таз. *šitty-qo* 'разбудить' (ОчСЯ I 215); кет. *šiti-gu* 'разбудить, проснуться'); об. *nũn-chi-(nĩ(ə)tə-)* // TS *nũny-cy-*, *nũn(n)y-cy-qo* 'устать' (ОчСЯ I 215); (*nũny-qo* 'устать'). Сложный (неодноморфемный) показатель возвратности *-kutj-* (*-gudj-*; *-gažē-*; *-gaže-*), присоединяемый к односложным и неодносложным основам на гласный, и суффикс возвратности *-j-*, сфера употребления которого ограничивается присоединением к консонантным основам, соответственно сводятся к инварианту *-(ku)tj-*: кет., нар. *panal-j-gu*, об. *panál-ы-* // TS *panal-y-* (Hel. 146) 'сломаться' (об. *panál-* // TS *panal-* (Hel. 146) 'сломать'); кет. *kβet-j-ku* 'попасться', об. *кводы-* 'попасть в сеть (о рыбе)' // TS *qattē* (Hel. 84), тым., нар. *kβed-a* 'попалась в сеть' (южн. *kβet-ku* 'поймать, убить, добыть (зверя, птицу)').

К вариантам одного суффикса могут быть сведены *-pčj-* и *-čj-* → *-(p)čj-* и *-ptj-* и *-tj-* → *-(p)tj-*, занятые в образовании переходных глаголов. Обнаруживается, что *-pčj-* и *-p-tj-* присоединяются к двусложным вокалическим основам путем наращивания консонантного элемента *p*, т.е. к двусложным консонантным основам, а *-čj-* и *-tj-* — к двусложным вокалическим основам при усечении их до согласного элемента, т.е. к односложным консонантным основам (кет. *lera-p-čj-ku*, *lerči-gu*, об. *láp-chi-(larčə-)* 'испугать' (Hel. 109) (кет. *lerru-gu* 'испугаться'); кет. *üru-p-ču-ku*, нар. *ür-ču-gu*, *ür-tu-gu*, тым. *ör-ču-gu*, *ör-*

tu-gu (Деннинг 1981), кет. *ür-čü-gu*, TS *ür-ty* 'потерять' (Hel. 70) (кет. *ürru-gu* 'потеряться'); об. *илэ-бты-* // TS *ilä-pty-* (Hel. 70), кет. *illä-ptj-gu*, *ilj-ptj-gu* 'оживить' (кет. *ilj-gu* 'жить', *ilj* 'жизнь'); прасельк. **βεḡsə-* (< сам. **änsä-* (? **äñsä-*) 'aufstehen' (J 18)) + *-tə-*: об. *ват'ту-гу* (Кузьмина 1974 : 22), об. *ватчу-* (*wattə-*) (Hel. 65) // TS *wəssy-*, кет. *βettj-gu*, тым., нар. *βažə-gu* 'поднять' (таз. *wəšy-qo* (ОчСЯ I 211), об. *вазы-* (Hel. 63), кет. *βešj-gu*, тым., нар. *βaž(j)-gu*, *βaš-ku* 'встать, подняться') (Кузнецова 1995 : 45—53).

Однако не все селькупские аффиксы залоговой семантики имеют варианты, обусловленные структурным типом производящей основы, т.е. фонетически. Деривационные суффиксы могут иметь варианты, не обусловленные структурным типом основы. Сферы употребления таких вариантов полностью совпадают. В качестве примера можно привести $-(V)ptj-$, $-(V)ktj-$ и $-(V)ttj-$ переходности, инвариантом для которых выступает $-(V)Ttj-$, где T — любой смычный, т.е. p, t, k ; $-l-$ и $-lčj \sim -ltj-$, сводимые к инварианту $-l(čj \sim tj)-$. Итогом присоединения вариантов данных суффиксов выступают словообразовательные варианты одного слова: кет. $šit't'-e-ptj-ku$, $šit't'-e-ptu-ku \sim$ тым., нар. $šed-e-ttj-gu$, $šed-e-ttu-gu$, $šed'-a-ktə-gu$, об. $сиз-якты-$ ($šit'-a-ktə-$) (Hel. 171) 'обмануть'; кет. $ḡand-e-ptj-gu \sim$ тым., нар. $ḡand-e-ttj-gu$ 'обморозить' и т.п. Нередко переходные глаголы на $-(V)l-$ и сев. $-(V)ltj-$ $\sim$ южн. $-(V)lčə-$ от одной и той же основы используются параллельно: байш. $omt-al-qo \sim omt-altʔ-qo$ (B 184); кет. $omd-al-gu \sim omd-alčžj-gu$, $obd-al-gu \sim obd-alčžj-gu$ 'посадить'; кет. $njng-ol-gu \sim njng-olčžj-gu$ 'поставить'; об. $мѣз-ол-$ $\sim$ $мѣз-олчи-$ ($мюз-олчи-$) (Hel. 119) 'умыть, помыть' и т.п. (Кузнецова 1995 : 54). В то же время селькупский суффикс переходности $-rj-$, присоединяющийся к двусложным вокалическим основам, синонимичен всем прочим суффиксам переходности: южн. $-tj-$ ($-tə-$, $-tu-$) $\sim$ сев. $-tj-$; южн. $-čj-$ ($-čə-$, $-ču-$; $-tə-$, $-tu-$; $-cə-$) $\sim$ сев. ($-tj-$, $-čə-$); южн. $-ptj-$ ($-ptə-$, $-ptu-$) $\sim$ сев. $-ptj-$; южн. $-pčj-$ ($-pču-$) $\sim$ сев. $-ptj-$ ($-pčə-$); сев., южн. $-l-$; южн. $-lčj-$ ($-lčə-$, $-lču-$; $-lčə-$; $-ltə-$) $\sim$ сев. $-ltj-$ ($-lčə-$).

Полисемия в селькупском языке характерна прежде всего для суффиксов акциональной деривации. Полисемия аффикса, если исходить из положений, разработанных для лексических единиц и грамматических форм, предполагает выделение у аффикса главного значения и второстепенных, появляющихся в синтагматике, т.е. обуславливаемых взаимодействием с семантикой производящей основы. Полисемии морфемы иначе определяют как ее варьирование в плане содержания. Как пример полисемантического аффикса можно привести *-(m)pi-* селькупского результата с главным значением — состояние предмета, предполагающее предшествующее действие. В синтагматике данный аффикс передает значения:

- 1) более длительное, чем выраженное производящей основой: таз. *ḡmtu-ṗu-qo* 'долго сидеть' (ОчСЯ I 219) (*ḡmtu-qo* 'сидеть'); об. *чáнны-мбы* // TS *сḡmtu-ṗu-* (Hel. 219) 'постилать' (*чáнты* 'устлать'); нар. *маннэ-мбэ-гу* 'смотреть' (*манджэ-гу* 'посмотреть') (Купер, Пустай 1993 : 32);
2) продолжение или следствие действия, выраженного непроизводным глаголом: таз. *ṗin-ṗu-qo* 'хранить' (ОчСЯ I 220) (*ṗin-qo* 'положить'); таз. *ṗəqḡṗl-ṗə-qo* 'тянуть' (*ṗəqḡṗl-qo* 'дернуть') (Прокофьев 1935 : 61); об. *тэлын-бы-* // TS *сḡlyu-ṗu-* (Hel. 189) 'рождаться' (*тэ-лынг-* / *tḡləy-* 'родиться');

3) пассив по отношению к производящему глаголу: таз. *māta tū-mpa* 'дверь закрыта', *māta tū-mpu-sy* 'дверь была закрыта', *māta tū-mm-enta* 'дверь будет закрыта' (ОчСЯ I 220) (*tū-qa* 'закрыть'); кет. *təp nūat matam* — *matta nū-mba*, *nū-mbi-s*, *nū-mb-ē-nžij* 'он открыл дверь (сейчас)' — 'дверь открыта', 'была ~', 'будет ~' (*nū-gu* 'открыть' (Кузнецова 1987 : 63)).

Полисемантичен также суффикс сев. T[(ε)n]tj- ~ южн. T[(ε)n]čj-, где T = ∅, t, n, č, имперфективной совершаемости. Значение аффикса в глаголе этой совершаемости зависит от видового значения производящей основы и от грамматического времени, в котором употребляется глагол. Если производящим является глагол совершенного вида, то имперфективный глагол в настоящем времени обозначает продолжающееся действие: таз. *təp nəkijrj' solak mē-tj-ŋj-tj* 'он узорчатую ложку делает' (*mē-tj-ko* 'делать' < *mē-ko* 'сделать'). Если производящим является глагол несовершенного вида, то имперфективный глагол в настоящем времени обозначает попытку осуществления действия: таз. *mat kōnn-ent-ak* (< *kōnd-ent-ak*), *kōntalleko ašša ēŋak* 'я пытаюсь спать, заснуть не могу' (*kōnn-entj-ko* 'пытаться спать' < *kōntj-ko* 'спать'). В прошедшем и будущем временах имперфективный глагол обозначает не доведенное до конца действие: таз. *təp nəkijrj' solak mē-tj-sjtj* 'он узорчатую ложку делал (но не сделал)' (*mē-ty-qa* 'делать'); *mat tj kō-nt-ent-ak* (< *kō-nt-ent-ak*) 'я сейчас умирать буду (но не умру)' (*kō-nty-qa* 'умирать') (ОчСЯ I 222). Полисемия характерна и для суффиксов -l'čj- и -ē перфективной совершаемости. При оформлении основы несовершенного вида эти суффиксы указывают на непродолжительный период выполнения действия, при оформлении основы совершенного вида подчеркивают быстроту, мгновенность и интенсивность действия: кет. *amd-ē-gu* 'посидеть немного' (*amdj-gu* 'сидеть'); *tū-l'dj-gu* 'прийти быстро, примчаться' (*tū-gu* 'прийти').

Кроме того, в селькупском языке выделяется ряд аффиксов акциональности, сочетающих значение этой сферы с залоговым. Например, у аффикса -psjnj два значения, а именно интенсивность + переходность, проявляются одновременно: таз. *iccj-psjnj-qa* 'часто посещать' (*iccj-qa* 'ходить'); у аффикса -tj- тоже два значения, характеризационное + непреходность, проявляются одновременно, например: таз. *kuk-tj-qa* 'быть шатким, неустойчивым' (*kukj-qa* 'качаться'), *mjn-tj-qa* 'быть гибким' (*mjnj-qa* 'согнуть') (ОчСЯ I 230, 232). Эти случаи нельзя трактовать как синкретизм, поскольку оба значения, одно акциональной, другое залоговой сферы, проявляются одновременно. Их нельзя отнести и к омонимии, поскольку оба значения никогда не разделялись. Поэтому и в данном случае мы предпочитаем говорить об аффиксальной полисемии.

В селькупском языке в формах наклонения, времени, лица-числа, а также в сфере акциональной деривации отмечаются случаи нарушения параллельности членения плана содержания и плана выражения. Так, в парадигме категории наклонения есть случаи неоднотипности морфологического маркирования. В оптативе, (>) адхортативе, дезидеративе, конъюнктиве одному элементу формы обычно соответствует один элемент содержания (простые маркеры), например: таз. *tū-lä-nty* 'пусть (ты) придешь' (ОчСЯ I 246); кет. *ipri-l-o-* 'давай будем лежать мы-двое' (Кузнецова 1987 : 225); тым. *i-nž-a* '(она) хотела взять' (Кузнецова 1995 : 99); кет. *tū-ne* '(он) бы пришел' (Кузнецова 1987 : 228). В оптативе одному элементу содержания могут соответствовать и два элемента формы (слож-

ные маркеры), например: таз. *tü-l ä-nty* ~ *s ä tü-l ä-nty* ~ *tü-l ä-nty-s ä* (ОчСЯ I 246). В императиве же один элемент формы является носителем трех элементов содержания (наклонение + лицо + число), т.е. флексий, например: кет. *tü-a-k!* 'приди!', *amd-a-k!* 'сиди!', *tü-ä!* 'пусть он придет!', *tü-a-tt!* *tü-a-tjt!* 'пусть они-многие придут!', *amd-ä!* *abd-ä!* 'пусть он сидит!', *amd-a-tt!* *abd-a-tt!* 'пусть они-многие сидят!' (Кузнецова 1987 : 226). Кроме того, в формах настоящего общего (презент I), где двусложные вокалические основы не маркируются, тогда как консонантные и односложные вокалические получают аффиксальные маркеры (-n-, -j- ~ -β- соответственно), личные окончания можно считать комплексными показателями (наклонения-)времени-лица-числа, т.е. показателями флективного типа: кет. *čaru-ŋ* '(он) вышел (сейчас)' (*čaru-ku*, *čaru-gu* 'выскочить, выйти'); *amd-ak* '(я) сижу (сейчас)' (*amd-ä-gu* 'сидеть'); *ipp-a-ndj*, *ipp-a-ddj* '(ты) лежишь (сейчас)' (*ippi-ku* 'лежать').

Абсолютное большинство окончаний южноселькупских финитных форм членится на показатели лица и показатели числа. Маркером ед. ч. выступает нуль, дв. ч. — *-i*, *-j*, мн. ч. — *-t(i)* (см. таблицу личных окончаний). Исключение составляют окончания 1 л. дв. ч. *-i*, *-j*, *-o*, *-u*, которые возводятся к $(*)-(a)\beta i < (*)-(a)\beta i-j$ (Dulson 1972 : 139, 141; Максимова 1984 : 110). Эти морфологически не членимые окончания, возникшие в ходе фонетического развития, одновременно указывают и на лицо, и на число субъекта действия. Данный факт может рассматриваться как шаг в направлении перехода от параллельной морфологической реализации персональности и количественности в сфере глагола к построению их единой парадигмы. С появлением окончания, морфологически не разложимого на показатель лица и показатель числа, нарушается структурная симметрия, характерная для глагольных форм лично-числовой парадигмы: один аффикс ~ одно значение. Происходит кумуляция — совмещение в одном словоизменительном аффиксе граммем, принадлежащих к разным категориям (Кузнецова 1995 : 179—180).

В сфере акциональной деривации выделяются комплексные маркеры с единым значением, в которых, однако, последовательно выделяется суффикс формального результата. Среди таких сложных показателей способов действия показатели:

1) итеративности: $-(k)kij'ol'impj$, $-(k)kij'ol'pj$, $-(k)kol'impj$, $-(k)kol'pj$, $-(k)kij'ol'mimpj$, $-(k)kol'mimpj$, $-(k)kij'ol'čimpj$, $-(k)kol'čimpj$, например: таз. *ē-kkyl'ol'ympy-qo* 'неоднократно бывать' (ОчСЯ I 218) (*ē-qo* 'быть'); *nülcu-kkyl'ol'py-qo* 'неоднократно открывать' (*nül'cy-qo* 'открыть'); *tür-kol'ympy-qo* 'неоднократно обмерять' (*tür-qo* 'обмерить'); *tanty-kkol'py-qo* 'неоднократно выходить' (*tanty-qo* 'выйти'); *muccē-kkyl'ol'ympy-qo* 'неоднократно разливаться (о реке)' (*muccē-qo* 'разлиться'); *innä catty-kkol'ympy-qo* 'подбрасывать' (*innä catty-qo* 'подбросить'); *tür-kyl'ol'cympy-qo* 'неоднократно приезжать' (*tür-qo* 'приезжать'); *laksyry-kkol'cympy-qo* 'неоднократно прыгать' (*laksyry-qo* 'прыгать');

2) фреквентативности: $-ōku-$ + $-mpj-$, например: таз. *qənt-ōqu-mpy-qo* 'периодически совершать походы, выезды' (ОчСЯ I 231) (*qənty-qo* 'уходить, уезжать'); нар. *šēr-oŋj-mbu-gu* 'заходить, заходить часто' (*šēr-gu* 'зайти'); нар. *kβäž-iŋj-mbu-gu* 'оставлять часто' (*kβäž-gu* 'оставить'); об. *koralž-oŋu-mbi-gu* 'разрешать часто' (*koralž-gu* 'разрешить') (Болсуновская 1998а : 18—19);

3) аттенуативности: $-ukj-$ + $-mpj-$, например: таз. *wəsuŋ-uqu-mru-qa* 'попахивать мясом' (ОчСЯ I 231) (*wəsuŋu-qa* 'пахнуть мясом'); *paŋuŋ-uqu-mru-qa* 'попахивать пригорелым' (*paŋuŋu-qa* 'пахнуть горелым');

4) мультисубъективности: $-kVl(ɔl)-$ } + $-j-$ + $-mpj-$ ($\sim -\bar{j}-$, $-\bar{j}l'čj-$) ($V = j, \bar{a}$)
 $\bar{a}l(ɔl)-$

Например: таз. *qən-qyly-mru-qa*, *qən-qäly-mru-qa* 'уходить (о многих субъектах)' (ОчСЯ I 226) (*qən-qa* 'уйти'); *qu-qylɔl-ṛ-qa*, *qu-qälɔl-ṛ-qa* 'поумирать' (*qu-qa* 'умереть'); *ipp-äly-mru-qa* 'лежать (о многих субъектах)' (*ippu-qa* 'лежать'); *omt-älɔl-ṛ-qa* 'поусаживаться' (*omty-qa* 'сесть'); *qatyty-äly-mru-qa* 'карабкаться (о многих субъектах)' (*qatyty-qa* 'карабкаться').

В случае аналитического способа представления фазовой структуры процесса два означающих соотносятся с одним означаемым:

1) начальная фаза: об. *kanan m ũ d u - l e überen* 'собака з а л а я л а' (*müdə-gu* 'лаять') (Болсуновская 1998а : 24; 1998б : 109);

2) срединная фаза: об. *ḡum e r a m - l' e č a ž a n* 'человек с т а р е е т' (букв. постарев идет') (*eram-gu* 'состариться');

3) конечная фаза: кет. *mādam t ē - l e m a l m ā ž a m* 'я дом с д е л а л' (букв. сделав закончил') (*me-gu* 'сделать') (Болсуновская 1998а : 24; см. также: Болсуновская, Кузнецова 1998 : 372—385).

Два означающих соотносятся с одним означаемым и в аналитических грамматических формах (конъюнктив — таз., кет., кондиционалис — кет.), например: кет. *sōrjzaß ēne* 'любил бы он' (*sōrj-gu* 'любить'); *kβessan ēne* 'пошел бы он' (*kβen-gu* 'пойти'); *tündj ēme* 'если ты придешь' (*tü-gu* 'прийти'); *ündj'l'd'ē-īt ēme* 'если он услышит' (*ündj'l'd'ē-gu* 'услышать') (Кузнецова 1987 : 113, 111—112).

Сокращения

Диалекты и говоры: **баиш.** — баишенский говор енисейского диалекта; **ен.** — енисейский диалект; **кет.** — кетский диалект; **кетВ** — верхнекетский говор кетского диалекта; **кетС** — среднекетский говор кетского диалекта; **нар.** — нарымский диалект; **ненЛ** — лесной диалект ненецкого языка; **ненТ** — тундровый диалект ненецкого языка; **об.** — обский диалект; **таз.** — тазовский диалект; **сев.** — северные диалекты; **тым.** — тымский диалект; **южн.** — южные диалекты.

В — Л. А. В а р к о в и ц к а я, Глагольное словообразование в селькупском языке (по материалам баишенского говора). Канд. дисс., Москва 1947; **ЛЭС** — Лингвистический энциклопедический словарь, Москва 1990; **ОчСЯ I** — А. И. Кузнецова, Е. А. Хелимский, Е. В. Грушкина, Очерки по селькупскому языку. Тазовский диалект. Ч. I, Москва 1980; **ОчСЯ II** — А. И. Кузнецова, О. А. Казакевич, Л. Ю. Иоффе, Е. А. Хелимский, Очерки по селькупскому языку. Тазовский диалект (Учебное пособие), Москва 1993; **ЯН СССР III** — Языки народов СССР III. Финно-угорские и самодийские языки, Москва 1965; **Е** — I. E r d é l y i, *Selkupisches Wörterverzeichnis, Tas-Dialekt*, Budapest 1969; **Hel.** — E. H e l i m s k i, *The Language of the First Selkup Books*, Szeged 1983.

ЛИТЕРАТУРА

- А в р о р и н В. А. 1963, Об основных различиях между агглютинативной и флексивной аффиксацией. — Морфологическая структура слова в языках различных типов, Москва—Ленинград, 208—216.
 Б о г о р о д и ц к и й В. А. 1915, Лекции по общему языковедению, Казань.
 — 1939, Очерки по языковедению и русскому языку, Москва.

- Б о л с у н о в с к а я Л. М. 1998а, Способы глагольного действия в диалектах селькупского языка. Автореф. канд. дисс., Новосибирск.
- 1998б, Способы глагольного действия в диалектах селькупского языка. Канд. дисс., Томск.
- Б о л с у н о в с к а я Л. М., К у з н е ц о в а Н. Г. 1997, Способы глагольного действия в диалектах селькупского языка. — LU XXXIII, 202—214.
- 1998, Фазовая структура процесса и ее передача средствами селькупского языка. — LU XXXIV, 372—385.
- В а р к о в и ц к а я Л. А. 1947, Глагольное словообразование в селькупском языке (по материалам баишенского говора). Канд. дисс., Москва (рукопись).
- В е р б о в Г. Д. 1973, Диалект лесных ненцев. — Самодийский сборник, Новосибирск, 4—190.
- Г а л ь ц о в а Н. П. 1993, Морфологические средства выражения темпоральных отношений в селькупском языке (на материале тымского диалекта). Автореф. канд. дисс., Новосибирск.
- Д е н н и н г Н. В. 1981, Аффрикатизация и разложение аффрикат в селькупском языке (на материале тымского диалекта). — Теоретические вопросы фонетики и грамматики языков народов СССР, Новосибирск, 160—166.
- Д е н н и н г Н. В., К у з н е ц о в а Н. Г. 1995, Развитие процесса редукции в селькупских именных и глагольных словоформах. — Языки народов Сибири. Сборник, посвященный 95-летию профессора А. П. Дульзона, Томск, 41—51.
- Д у л ь з о н А. П. 1969, Опыт исторической интерпретации селькупских глагольных форм. — СФУ V, 203—211.
- К е л ь м а к о в В. К. 1990, Взаимодействие факторов различных уровней в истории пермских языков. — CIfU VII, Debrecen, 105—124.
- К у з н е ц о в а Н. Г. 1987, Глагольная подсистема кетского диалекта селькупского языка. Канд. дисс., Томск.
- 1990, Суффиксы отыменной глагольной деривации в диалектах селькупского языка. — LU XXVI, 43—56.
- 1995, Грамматические категории южноселькупского глагола, Томск.
- 1996а, Полипредикативный синтаксис и развитие самодийской глагольной парадигмы. — LU XXXII, 187—193.
- 1996б, Асимметричные явления и развитие селькупской глагольной парадигмы. Докт. дисс., Новосибирск.
- К у з ь м и н а А. И. 1974, Грамматика селькупского языка I. Селькупы и их язык, Новосибирск.
- К у п е р Ш., П у с т а и Я. 1993, Селькупский разговорник (нарымский диалект) (Specimina Sibirica, Tomus VII).
- Л ы т к и н В. И. 1970, Об огласовке некоторых девербальных словообразовательных суффиксов глагола финно-угорских языков. — Вопросы финно-угроведения V, Йошкар-Ола, 109.
- М а к с и м о в а Н. П. 1984, Морфологический способ выражения двойственности в селькупском языке. — Структура палеоазиатских и самодийских языков, Томск, 106—114.
- М о р е в Ю. А. 1975, К вопросу о развитии лабиализованных согласных в селькупском языке. — СФУ XI, 126—134.
- О в ч и н н и к о в а Г. В. 1988, Синонимия суффиксальных морфем одноосновных имен прилагательных в современном французском языке. — Грамматическая и лексическая синонимия, антонимия и омонимия, Томск, 27—31.
- П е р ф и л ь е в а Т. Г. 1973, Выражение временных и пространственных отношений глагольными словосочетаниями с винительным и родительным падежами (на материале ненецкого языка). — Самодийский сборник, Новосибирск, 191—198.
- П р о к о ф ь е в Г. Н. 1935, Селькупский (остяко-самоедский) язык. Селькупская грамматика, Ленинград.
- Р е ф о р м а т с к и й А. А. 1947, Введение в языковедение. Пособие для учительских институтов, Москва.
- С е р е б р е н н и к о в Б. А. 1988, Роль человеческого фактора в языке. Язык и мышление, Москва.
- С о р о к и н а И. П. 1976, Словообразование глагола энецкого языка. — Лингвистические исследования 1976. Грамматические категории, Москва, 170—179.

- Т е р е щ е н к о Н. М. 1965, Ненецко-русский словарь, Москва.
— 1966, Введение. — Языки народов СССР. Финно-угорские и самодийские языки, том III, Москва.
— 1979, Нганасанский язык, Ленинград.
- Т и м о ф е е в К. А. 1986, Вариантность в словообразовании. — Вариантные отношения в лексике. Сборник научных трудов, Новосибирск, 3—13.
- Х е л и м с к и й Е. А. 1982, Древнейшие венгерско-самодийские языковые параллели. Лингвистическая и этногенетическая интерпретация, Москва.
- Ю ш м а н о в Н. В. 1989, Этюды по общей фонетике на материале неиндоевропейских языков (Из трехлетней переходящей темы «Стадиальная фонетика» 1940—1942 гг.). — ВЯ, № 5, 70—103.
- C a s t r é n, M. A. 1854, Grammatik der samojedischen Sprachen. Herausgegeben von A. Schiefner, St.-Petersburg.
- C a s t r é n, M. A., L e h t i s a l o, T. 1960, Samojedische Sprachmaterialien, Helsinki (MSFOu 122).
- C o l l i n d e r, B. 1969, Survey of the Uralic Languages, Stockholm.
- D u l s o n, A. 1972, Über die ursamojedischen Suffixe zur Bezeichnung der verbalen Person. — СФУ VII, 139—144.
- E r d é l y i, I. 1969, Selkupisches Wörterverzeichnis. Tas-Dialekt, Budapest.
- G y ö r k e, J. 1935, Die Wortbildungslehre des Uralischen (Primäre Bildungssuffixe), Tartu.
- H a j d ú, P. 1963, Samoyed Peoples and Languages, Bloomington—The Hague (UAS 14).
- H e l i m s k i, E. 1983, The Language of the First Selkup Books, Szeged.
- J o k i, A. 1944, Einleitung, Hauptzüge der Grammatik. — Kai Donners kamassisches Wörterbuch nebst Sprachproben und Hauptzügen der Grammatik, Helsinki, XII—LI, 119—190.
- K ü n n a p, A. 1978, System und Ursprung der kamassischen Flexionssuffixe II. Verbalflexion und Verbalnomina, Helsinki (MSFOu 164).
- L e h t i s a l o, T. 1936, Über die primären ururalischen Ableitungssuffixe, Helsinki (MSFOu LXXII).

J. V. KUZMINA, N. G. KUZNETSOVA (Tomsk)

THE CHANGE OF MORPHEMIC STRUCTURE OF THE VERBAL WORD IN SELKUP

The article dwells upon the modifications of the morphemic structure of the verbal word in Selkup and its forms which match the definitions of the processes of "deetymologization" and "meta-analysis". Cases of formally-pithy asymmetry, such as synonymy, homonymy, polysemy of affixes, breaches of parallel articulation of the plane of content and the plane of expression are discussed.